

Генезис и перспективы языковой политики Испании

М. В. Пупышева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
pupysheva.maria@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется история развития языковой политики Испании с момента распада империи и отделения колоний. На основании материалов российских и зарубежных исследователей, а также статей в СМИ описывается три концепции объединения испаноязычных наций: испаноамериканизм, паниспанизм, испанидад, легшие в основу современной испанофонии. Анализируется современное состояние испанской языковой политики как внутренней, так и внешней и даются ее основные характеристики.

Ключевые слова: испаноамериканизм, паниспанизм, испанидад, испанофония, языковая политика Испании

Для цитирования: Пупышева М. В. Генезис и перспективы языковой политики Испании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 4 (853). С. 86–94.

Original article

Genesis and Prospectives of the Spanish Language Policy

Maria V. Pupysheva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pupysheva.maria@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of the development of the Spanish language policy since the collapse of the empire and the separation of the colonies. Based on the materials of Russian and foreign researchers, as well as mass media articles, three concepts of the unification of Hispanic nations are described: Hispanoamericanism, Panhispanism, Hispanidad, which formed the basis of modern Hispanophony. The author analyzes the current state of the Spanish language policy, both domestic and foreign, and derive its main characteristics.

Keywords: Hispanoamericanism, Panhispanism, Hispanidad, Hispanophony, Spanish language policy

For citation: Pupysheva, M. V. (2023). Genesis and Prospectives of the Spanish Language Policy. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 86–94.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших дат в истории современной Испании является принятие Конституции в 1978 году. После смерти Франко новая администрация должна была найти ответ на болезненный вопрос об отказе от определения Испании как национального государства и найти приемлемую для всего населения страны модель административной организации. В 1978 году появилось государство автономий, уникальная политическая структура которого должна была удовлетворить, с одной стороны, требования к культурному и политическому единству Испании, с другой – требования автономности каталонских, галисийских и баскских националистов. Несмотря на Статью 3 Конституции, закрепляющую статус языков¹, собственные Статуты автономий и законы об языковой нормализации в некоторых автономных сообществах, споры о лингвистической политике происходят до сих пор: от тревоги из-за исчезновения из бытового обихода баскского до роли, которую играют говорящие куклы в развитии или забвении языка (*La Voz de Galicia*, 05.01.2007). Актуальность и политическая значимость этого вопроса несомненна, что подтверждается интересом как исследователей, так и представителей прессы [La lengua, 2007].

Анализ политического измерения данного феномена показывает смещение фокуса культурной и языковой политики с внутренней на внешнюю политику, связанное с реформами 1970-х годов, завершившими так называемую эпоху перехода. Новые стратегии разрабатывались на основе растущего участия Мадрида в основных международных форумах (в особенности в обсуждении проектов региональной интеграции) и борьбы за закрепление в глобальных стоимостных цепочках.

Радикальные изменения в политической системе страны, ее культурной и экономической деятельности, рост международного престижа не могли не повлиять на языковую политику: модернизация страны и стремление Мадрида и испанских ТНК играть более важную роль на мировой арене рождало новые лингвистические стратегии. Каталонские, галисийские и баскские националисты стремились к принятию населением соответствующих сообществ в качестве отдельных наций, узаконив, таким образом, автономное самоуправление при помощи языка: приоритетность использования каталонского, галисийского или баскского в административных учреждениях, в системе образования, СМИ и во всех сферах общественной жизни, закрепление языка в качестве национального символа,

а также утверждение языковых практик, отличающих «настоящих» граждан (каталонцев, галисийцев или басков соответственно) от обычных испанцев. В то же время столичное правительство и его лингвистические институты ощутили необходимость в создании привлекательного образа испанского языка как представителя Испании и Иberoамерики, который поддерживал бы планы модернизации, экономического роста и расширения политического влияния страны на мировом рынке, а также усилия по построению нации внутри границ.

ЗАРОЖДЕНИЕ ОБЩНОСТИ: ПАНИСПАНИЗМ

Усилия, предпринимаемые Мадридом для создания идентичности, общей с бывшими колониями, в особенности на американском континенте, восходят к концу XIX – началу XX века и могут быть отождествлены с культурной политикой испанизма или испаноамериканизма.

Окончание войн за независимость (в основном относящимся ко второму десятилетию XIX века) дало толчок напряженным переговорам о будущем языка (появятся ли на американском континенте новые), о его статусе (сможет ли он представлять единую ибероамериканскую культуру), об институтах, его контролирующих (будут ли латиноамериканские институты подчиняться Королевской академии). На решение данных вопросов повлияло два противоположно направленных вектора: с одной стороны привилегированное положение Испании как лидера языковой политики пошатнулось не только из-за распада империи, но и из-за связанного с ним падением имиджа метрополии, с другой – креольская элита понимала политическую ценность испанского языка и необходимость контроля над ним. Утрата колоний стимулировала в испанском обществе размышления о природе и стратегической ценности связей с Латинской Америкой, что привело к активизации дипломатической деятельности и к формированию идеологии, основанной на идее того, что культура испаноязычных народов по существу своему является испанской. Данная идеология стремилась к укреплению единства и развитию испаноамериканской общности, существующей на культурном, экономическом и политическом уровнях. Главный исследователь испанизма Исидро Сепульведа определил его как «основу для построения – и даже как свидетельство существования – испанского господства над обществами континента, которая может быть использована в качестве инструмента для создания престижной внешней политики, которая восстановила бы международную ценность Испании» [Sepúlveda, 2005, с. 22].

¹Constitución Española.

URL: [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con)

В начале XX века испаноамериканизм состоял из двух отдельных направлений: так называемого «прогрессивного» и «консервативного» или паниспанизма. Получивший большую популярность паниспанизм рассматривал общность Испании с Латинской Америкой с точки зрения духовного объединения на базе единой религии – католичества. Термин был введен священником Закариасом де Вискаррой для обозначения «набора качеств, которые отличают носителей испанской крови и культуры от остальных народов мира» (*La lectura dominical*, 07.12.1929). Последователи этого течения подчеркивали великое колониальное прошлое Испании, значимость католической веры в объединении Испаноамерики, а также политическую нейтральность движения.

Трансатлантическое единство воспринималось среди влиятельных людей того времени как стратегическая ценность для Испании, поскольку оно защищало ее интересы в Латинской Америке, противодействуя влиянию таких стран, как Великобритания, Франция и, особенно, США. Основной целью паниспанизма становится создание единой федерации испаноамериканских государств в качестве ответа на североамериканскую политику (основанную доктрины Монро) и европеизм (провозглашавший превосходство французской культуры и требующий от испанских колоний отказаться от испанского языка для выхода на мировую арену). Сторонники данной политики были убеждены, что совокупное влияние всех ее членов больше, чем просто сумма влияния каждой из стран по отдельности за счет синергетического эффекта [Sepúlveda, 2005]. Означенное коллективное убеждение ляжет в основу испанофонии.

Ключевым моментом в развитии паниспанизма стало создание в 1885 году Ибероамериканского Союза. Согласно уставу, ассоциация должна была «укрепить привязанность, политические, социальные, экономические, научные и художественные отношения между Испанией, Португалией и американскими нациями, а также обеспечить самое сердечное взаимопонимание между этими братскими народами» [Unión Ibero-Americana, 1893, с. 5]. С этой целью поощрялось подписание торговых договоров, обмен интеллектуальной и промышленной собственностью, развитие единого гражданского и уголовного законодательства, взаимное признание образования, снижение почтовых и телеграфных тарифов. Как видно из устава, деятельность Союза была сосредоточена на экономических связях, согласно представлению о том, что Латинская Америка является естественным рынком для экспансии Испании [Valle, 2011].

Данный тезис будет использоваться на официальном уровне вплоть до начала XXI века.

Основа концепции испанофонии, определившая в свое время паниспанизм, идея о ценности и необходимости защиты единства испаноязычного общества, отчасти возникла в качестве ответа на популяризацию центробежных настроений, которые на протяжении XIX века бросали вызов построению испанской нации. С одной стороны, это угроза территориальной целостности страны, которую представляли зарождающиеся националистические движения в Каталонии, Стране Басков и Галисии, с другой – существенное снижение влияния, с которым Мадрид столкнулся после потери своих колоний. Последние, в свою очередь, также столкнулись с необходимостью нациестроительства, учитывающего культурную, языковую и социальную специфику конкретных территорий, необходимых для противостояния США. В данной ситуации паниспанизм предлагал, во-первых, утверждение и принятие национальной идентичности, во-вторых, единое культурное поле (и рынок), делающее возможным частичное сохранение колониальных привилегий.

Паниспанизм преследовал глобальную цель: построить сообщество на руинах империи, при этом по возможности избавившись от имперских коннотаций данного действия. Объединение было заявлено как воссоединение великой испанской семьи, а происхождение, религия, обычаи и язык – как основные элементы идентичности. По мере модернизации паниспанизма язык приобретал все большее значение, поскольку религия и обычаи были более чувствительны к идеологическим расхождениям из-за отличия в восприятии общей у колоний и метрополии истории. Язык же есть воплощение общественных ценностей, выражение этнической идентичности. Он является рабочим инструментом государства. Вне зависимости от религиозной принадлежности или локальных обычаев люди по обе стороны Атлантического океана просматривали одни и те же газеты, читали одни и те же книги.

Паниспанизм способствовал сплочению испанского общества внутри страны, став одной из осей национализма. Если ранее испанские деятели предлагали консолидацию национального рынка на основе предполагаемой общей культуры, то паниспанизм предложил концепцию расширения означенного рынка на аффективной основе. Каталонская буржуазия, активные сторонники признания независимости латиноамериканских стран, была заинтересована в развитии торговли, появлении новых портов для разгрузки товаров и преференций, дешевой рабочей силы. Наиболее эффективным методом для этого стало

использование принадлежности к одной и той же культурной общности [Sepúlveda, 1994].

ИСПАНИДАД КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Концепция испанидад, зародившись в начале XIX века, претерпела наибольшие изменения по мере своего развития, в зависимости от автора, времени или континента. В качестве раннего выражения консервативных течений она была частью паниспанства, поддерживая идею противостояния стран Латинской Америки влиянию США и Франции, превознося испанское колониальное прошлое, защищая и возвышая католицизм и традиционный иерархический социальный порядок, основанный на римском праве. Благодаря Марселино Менендей Пелайо испанидад становится одним из наиболее узнаваемых проявлений испанского консерватизма, основанного на национал-католицизме¹ и идее единства через веру. Последователи испанидад утверждали, что все, кто не поддерживает их идеи, были подвержены иностранному влиянию, а потому стали «антииспанцами»: такую концепцию поднимут на щит сначала мятежники во время гражданской войны, а в последствии – режим Франко и современная ультраправая партия Vox. Официальным это видение станет впервые во время диктатуры Примо де Риверы и проявится в работах таких авторов, как Рамиро де Маэсту. По мнению первого из испанских диктаторов XX века Мигеля Примо де Ривера, страна должна была «претендовать на место духовного лидера испанского мира» и «стремиться к объединению культуры, экономических и политических интересов» [Marcilhacy, 2014, с. 78]. По мнению сторонников испанидад, доминирование на политической арене объединенного испаноязычного мира должно было спасти Европу от кризиса ценностей и идеологий, так как именно он обладал национальным, культурным и духовным превосходством.

С другой стороны, на американском континенте в начале XX века происходило свое осмысление испанской традиции. Яркими представителями латиноамериканской мысли считаются никарагуаец Рубен Дарио и уругваец Хове Энрике Родо, а также испанец и космополит Мигель де Унамуну. В отличие от имперской испанидад, описанной выше, в данном случае концепция включает в себя все политически и этнически различные нации и народы,

объединяя их на основе общего языка и культуры. Поздний Унамуну отказывается от исключительно языкового измерения, характеризуя испанидад как совокупность духовных качеств и особую философию испаноязычных народов, существующую в противовес англосаксонскому миру, «другому, цивилизаторскому, индивидуалистическому, материалистическому и либеральному» [Aranda, Escribano, Riquelme, 2020, с. 3427].

В 20-е годы XX века концепция испанидад приобретает отчетливый реакционный оттенок, основываясь на противостоянии духовности «англосаксонскому либерализму и марксистскому материализму» [Sepúlveda, 2005, с. 163]. В 1926 году баскский священник Закариас де Вискаarra, живший в Буэнос-Айресе, предложил Королевской академии переименовать день открытия Америки из «Дня расы» в «День испанидад», утверждая, что этот шаг оставит позади расовые различия и объединит народы на основе католицизма, порядка и традиций (*La lectura dominical*, 07.12.1929).

В период диктатуры Примо де Ривера в Испании (1923–1930) испанидад приобретает политическое измерение и становится основой внешней политики страны. Испания пользуется своим статусом метрополии для закрепления привилегированных отношений со странами Латинской Америки.

Одной из ключевых фигур в развитии идеи испанидад является Рамиро де Маэсту, посол Испании в Аргентине и знакомый де Вискаrrы. Именно он популяризировал термин «испанидад» посредством публикаций в журнале *Acción Española*, близких к Фаланге, а также статье «В защиту испанидад» [Ягодкин, 2018], которая имела большое влияние накануне Гражданской войны и становления франкистской Испании. У де Маэсту испанидад обретает фашистские черты, будучи построена как националистическая, католическая и глубоко антилиберальная концепция, выстроенная на контрасте с рационализмом, свойственным англосаксонскому миру. Распространение этой концепции среди правых движений в странах ЛАК происходило в 30-е годы XX века, где она использовалась в качестве метода интеграции низших слоев населения (индейцев и африканцев) в рамках жесткого иерархического социального порядка при помощи религии. Привязка к католицизму придает испанскому национализму отличительные черты [Коваль, 2022].

Испанидад сыграла важную роль в Гражданской войне, поскольку стала идеологией мятежной стороны, воспринимавшей свои действия как «крестовый поход» против коммунизма. Во время режима Франко данная концепция стала официальной государственной философией

¹Sanahuja J. A., López Burian C. Hispanidad e Iberosfera: antiglobalismo, internacionalismo reaccionario y ultraderecha neopatriota en Iberoamérica // Documentos de trabajo (Fundación Carolina). 2022. № 69.

и основой латиноамериканского вектора внешней политики, что отражается в создании Совета испанской культуры (1940) и Института испанской культуры (1945). Он действовал вплоть до перехода к демократии. Институционализация испанидад и оформление как политической доктрины во многом принадлежат мининделу Альберто Мартину-Артахо и его работе «На пути к испанскому сообществу наций» [Martín-Artajo, 1956]. В тот период Институт испанской культуры развивал активную политику культурно-образовательного сотрудничества, которая в условиях международной изоляции страны выполняла функции легитимизации власти. В 1979 году на смену пришел Институт ибероамериканского сотрудничества (ICI), с которого началась современная политика сотрудничества в истории демократической Испании. ICI стал основой для Испанского агентства по международному сотрудничеству в целях развития (AECID), действующего по сей день.

Испаноамериканизм, паниспанизм, а впоследствии и испанидад, будучи составляющими официальной лингвистической политики Испании в разные исторические периоды, стали базой для укрепления единой цивилизационной общности, поскольку были основаны на идее о том, что общая культура, воплощенная в испанском языке, существовала и по обе стороны Атлантического океана. Она составила основу единого политического и экономического образования, что в дальнейшем получила название – испанофония.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК: ЕДИНЕНИЕ, УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, ПРИБЫЛЬНОСТЬ

На протяжении большей части XIX и XX веков способность Мадрида к претворению в жизнь идеи превосходства своей культуры была ограничена: с одной стороны, идеи испаноамериканизма, зачастую высказываемые с позиции превосходства метрополии над колониями, воспринимались с ожидаемым скептицизмом [The battle over Spanish between ... 2002], с другой стороны, политическая и экономическая ситуации внутри страны ограничивали способность испанского правительства выделять ресурсы, необходимые для поддержания подобной риторики. Однако в конце 80-х годов XX века облик и привлекательность Испании резко меняются в связи с появлением новых экономических и культурных условий, среди которых, как уже упоминалось, были вхождение в НАТО и ЕС, «экономическое чудо» и распространение по странам ЛАК корпораций, основанных на испанском капитале.

Именно в этих новых условиях испанское правительство в сотрудничестве с крупнейшими представителями делового сектора (Telefónica, Iberdrola, Repsol, Grupo PRISA, Santander, BBVA), а также при участии культурных, бизнес и политических сообществ в Латинской Америке мобилизовали лингвистические и культурные институты (в частности, Ассоциацию академий испанского языка и Институт Сервантеса) для продвижения идей испанофонии и, с ее помощью, концептуализации испаноязычного сообщества и создания рынка, в котором присутствие испанского капитала воспринималось как естественное. Для претворения в жизнь данной инициативы требовалось сначала избавить образ Испании от неудобных ассоциаций, связанных с ее имперским прошлым, которые иногда появлялись в официальной риторике. Например, в 1991 году Мануэль Альвар, видный филолог и директор Королевской академии испанского языка все еще рассматривал испанофонию как цивилизаторскую миссию¹. Спустя десять лет на II Международном конгрессе испанского языка колониальный дискурс зазвучал вновь², однако уже в более мягкой форме.

Культурная и психологическая близость, основанная на единстве языка и, частично, исторического наследия, является базой испанофонии. Однако, как указывает Касильда Бехар, данная политика изначально несет в себе внутренний идеологический разлом, а потому единство нуждается в постоянном подкреплении. Учитывая изначальную хрупкость испанофонии, крупнейшие испанские акторы спонсируют языковые и культурные институты, чтобы гарантировать, что присутствие испанского капитала в странах ЛАК будет восприниматься не как современная глобализованная версия прежнего колониального режима, а как естественный и законный процесс³.

К началу XXI века акторы, отвечающие за языковую политику Испании, вышли за рамки простой разработки образовательного стандарта, сосредоточившись на сохранении единства языка как гарантии лояльности испаноговорящего сообщества к языковым нормам и институтам, их определяющим, а также на международном продвижении испанского языка. Оно позволяет эксплуатировать интерес к стране вследствие туристического бума.

¹«...Ценность языка, который объединяет и освобождает коренные народы от страданий и отсталости. <...> Дорога к свободе проходит через испанизацию» [Alvar, 1991, с. 17–18].

²«Необычайное положение, достигнутое на этом континенте, стало возможным благодаря уникальному союзнику – языку. Он – причина нашей культурной, психологической и эмоциональной близости» [Casilda Béjar, URL].

³ABC 31.12.2006; El País, 24.07.1995.

Можно утверждать, что Королевской академией и Институтом Сервантеса было разработано видение испанского языка и его роли в Испании в испаноязычном сообществе и в мире, а также предусмотрены инструменты для его распространения и закрепления. Другими словами, была создана языковая идеология как система представлений о коллективной идентичности (испанской и латиноамериканской) на основе единого языка. Ее развитие зависит, в первую очередь, от политического и экономического развития Испании. Данная идеология получила название испанофонии [Блинова, 2009].

Анализируя образ испанского языка следует отметить, что он описывается не просто как инструмент коммуникации, а как язык общения, обеспечивающий продуктивный диалог и гармоничное сосуществование людей, обладающих общей родиной. Представление об испанском языке как месте встречи двух миров является краеугольным для развития испанофонии, что подтверждается изменением политики Королевской академии испанского языка, включившей регионализмы в свои словари, а также Института Сервантеса, добавившего латиноамериканские материалы в экзамены DELE. Защита языкового единства рассматривается не через утверждение единообразия, а через принятие «внутреннего разнообразия» или «внутренних разновидностей» [Asociación de Academias de la Lengua Española ... 2004, с. 3].

Вторая идея, формирующая образ испанского языка в рамках языковой политики, основывается на его глобальной природе. Она базируется не только на факте его доминирования в латиноамериканских странах, но, что особенно важно, на способности испанского к расширению ареала присутствия, что демонстрирует постепенная испанизация Бразилии или США, а также популяризация изучения испанского в качестве иностранного в сфере образования разных стран, включая Россию [Торрес Эрнандес, 2021]. Несмотря на милитаристский тон и некоторую эйфорию, свойственную государственной пропаганде языка, расширение ареала присутствия языка оправдывается его универсальностью, отражением в нем богатого культурно-исторического и духовного наследия.

Главной целью данного лингвокультурного проекта является создание языка «широкого потребления», популярность которого на мировых рынках будет расти благодаря большому количеству говорящих на нем и важности рынков, к которым он открывает доступ. Для реализации вышеперечисленного необходима организация инфраструктуры по производству, логистике

и сбыту языка как товара, что входит в компетенции Института Сервантеса. Последний разрабатывает учебные материалы и образовательные программы, открывает языковые центры, проводит сертификацию владения испанским языком, предлагает образовательные и лингвистические услуги государственным и частным учреждениям [Торрес Эрнандес, 2021]. Эта деятельность ИС в силу его зависимости от Министерства иностранных дел напрямую коррелирует с политикой испанского правительства и реализуется в защиту интересов страны.

Третий важный аспект распространения испанского языка – экономический. Согласно данным Атласа испанского языка в мире [Atlas de la lengua española ... 2016], покупательская способность латиноамериканских стран составляет 9% от мирового ВВП. Экономический вес испанского (на основании комплексного анализа таких показателей, как количество носителей, индекс человеческого развития, объем экспорта испаноговорящих стран и т. д.) ставит его в качестве второго по важности языка на международной арене. Еще один показатель, который следует учитывать при измерении экономического веса испанского языка, является его влияние на международную торговлю. В целом факт использования контрагентами одного языка удваивает объем двусторонней торговли между странами, однако в случае с испанским языком экспорт увеличивается в четыре раза [Alonso, García Delgado, Jiménez, 2015].

Одной из целей испанофонии является выявление и упорядочение факторов, влияющих на потенциал испанского языка как продукта, обладающего культурным и имиджевым капиталом, создающим спрос среди иностранцев, делающим производство *made in Spain* привлекательным, а также как основы для узаконивания испанских инвестиций в латиноамериканский рынок и для вмешательства Мадрида в политику данных стран.

Таким образом, акторы лингвистической политики выделили три фундаментальных аспекта испанского языка: единение (испанский как язык коммуникации), универсальность (испанский как глобальный язык) и прибыльность (испанский как экономический ресурс). В совокупности эти аспекты определяют ценность языка как политического ресурса, а также служат для легитимизации лингвистической политики Мадрида сразу на нескольких уровнях: внутри страны (для создания единой испанской нации), ибероамериканского сообщества (как объединяющий элемент), на международном рынке (отвоевываая территории французского и немецкого).

В настоящее время предполагается, что испанский, будучи популярным языком, не просто является инструментом для диалога, но обеспечивает универсальное понимание и создание сообщества, характеризующегося своим «единением», в результате чего создаются условия для эффективной политической коммуникации [Белозёров, 2020]. В официальном дискурсе испанский язык связывается с более высокой ценностью, чем просто полезность или экономическая прибыльность, а также с моральными и гражданскими ценностями¹. В частности, Фернандо Ласаро Каррертер, бывший директор Королевской академии испанского языка, утверждал, что «язык – важнейший инструмент демократии»². Таким образом, акцент делается не только на утилитарных свойствах языка и его полезности, но и на его связи с непреходящими универсальными ценностями, такими как единение или демократия, которые должны разделяться всеми членами западного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сосуществование испанского языка с другими на территории Испании создает напряжение во внутренней политике страны. Языковая политика автономных сообществ в отношении их языков основывается на идее угрозы родному языку со стороны заимствованного, «инострannого» испанского, даже если на нем говорит большинство населения сообщества уже несколько поколений. Отчасти как ответ на агрессивную региональную политику следует рассматривать и развитие паниспанизма, испанидад и, на сегодняшний день, испанофонии. На политической арене, в рамках институционализации «малых» языков (в недавнее время – каталонского) националистическими

партиями с целью поставить под сомнение национальную целостность Испании, испанскому языку создается образ символа согласия, демократии, экономического прогресса, инструмента испаноязычного сообщества.

С другой стороны, отношения с Латинской Америкой остаются одним из направлений, определяющих политику Мадрида. Возвращение испанского присутствия после падения режима Франко на территории бывших колоний привело к «перезагрузке» испаноамериканского движения, возвращению к концепции общности интересов, основанной на существовании культурной и духовной близости под новым названием испанофония. Путь развития данной концепции непрост, поскольку ибероамериканское сообщество, каким бы гармоничным и сплоченным оно не стремилось бы быть, несет в себе груз завоеваний, колонизации и цивилизаторства, которые лежат в основе его возникновения. Для некоторых этот исторический балласт не имеет значения в настоящее время, особенно в сравнении с тем, что может принести сотрудничество в рамках сообщества³. Другие же видят в нем краеугольный камень, мешающий построению взаимопользовных культурных, экономических и политических проектов⁴.

Современная испанофония, наследуя все противоречия предыдущих концепций, представляет собой сложное явление, сталкивающееся с различными взглядами на отношения между ее членами в прошлом, настоящем и будущем. Ее окончательное становление зависит от языковой политики Мадрида и ее институтам, а также от того, сможет ли философия единения, универсальности и прибыльности испанского языка утвердиться на американском континенте.

¹«Не может быть большей гармонии, чем диалог, понимание, уважение и мир, и фундаментальным, важным инструментом является язык, а субъектами, которые представляют язык с официальной позиции, являются академии» (El País 07/09/2000).

²El País, 21.01.2003.

³«Несмотря на свои разногласия и слабости Ибероамериканское сообщество консолидируется» (El País, 25.03.2023).

⁴«Большинство мексиканцев требуют, чтобы Испания извинилась за завоевание» (El Diario, 27.03.2023), «Вок: Завоевание Америки – лучшее, что когда-либо делала любая нация» (El Comercial, 10.10.2021) и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. La lengua, ¿patria común? Ideas e ideologías del español / J. Valle del (ed.). Madrid: Iberoamericana Vervuert, 2007.
2. Sepúlveda I. El sueño de la Madre Patria. Hispanoamericanismo y nacionalismo. Madrid: Marcial Pons, 2005.
3. Unión Íbero-Americana. Estatutos y reglamento con la reforma de 23 de diciembre de 1892. Madrid: Fortanet, 1893.
4. Valle J. del Panhispanismo e hispanofonía: breve historia de dos ideologías siamesas // Sociolinguistic Studies. 2011. № 5(3). P. 465–484.
5. Sepúlveda I. Comunidad cultural e hispano-americanismo, 1885–1936. Madrid: UNED, 1994.
6. Marcihacy D. La Hispanidad bajo el franquismo: El americanismo al servicio de un proyecto nacionalista // Imaginarios y representaciones de España durante el franquismo. Madrid: Casa de Velázquez, 2014. C. 73–102.

7. Aranda G., Escribano R., Riquelme J. Hispanidad e Hispanosfera: Raices y actualizaciones de post Guerra Fria" // Revista Izquierdas. 2020. № 49. С. 3422–3447
8. Ягодкин А. А. Латинская Америка в судьбе и творчестве Рамиро де Маэсту // Латинская Америка. 2018. № 3. С. 75–85.
9. Коваль Т. Б. Национал-католицизм: основные идеи и практические результаты // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 35. С. 236–254.
10. Martín-Artajo A. Hacia una comunidad hispánica de naciones. Madrid: Cultura Hispánica, 1956.
11. The battle over Spanish between 1800 and 2000: language ideologies and Hispanic intellectuals / J. Valle del, Gabriel-Stheeman L. (eds.). London ; New York: Routledge, 2002.
12. Alvar M. El español de las dos orillas. Madrid: Mapfre, 1991.
13. Casilda Béjar R. Una década de inversiones españolas en América Latina (1990–2000): El idioma como ventaja competitiva // Instituto Cervantes. URL: http://cvc.cervantes.es/obref/congresos/valladolid/ponencias/activo_del_espanol/1_la_industria_del_espanol/casilda_r.htm
14. Блинова Н. В. Лингвистическое измерение мировой политики: испанофония в контексте глобализации: автореф. дис. ... канд. пол. наук. Санкт-Петербург, 2009.
15. Asociación de Academias de la Lengua Española. La nueva política lingüística panhispánica. Madrid: Real Academia Española, 2004.
16. Торрес Эрнандес Х. Эволюция и перспективы испанского языка в российской школьной системе // Ибероамериканские тетради. 2021. № 9 (2). С. 110–124.
17. Atlas de la lengua española en el mundo / Moreno Fernández F., Otero Roth J. (eds.). Madrid: Fundación Telefónica, 2016.
18. Alonso J. A., García Delgado J. L., Jiménez J. C. Lengua, empresa y mercado: ¿ha ayudado el español a la internacionalización? Barcelona: Ariel, 2015.
19. Белозёров В. К. Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 177–194. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

REFERENCES

1. Valle, J. del (ed.) (2007). La lengua, ¿patria común? Ideas e ideologías del español Madrid: Iberoamericana Vervuert.
2. Sepúlveda, I. (2005) El sueño de la Madre Patria. Hispanoamericanismo y nacionalismo. Madrid: Marcial Pons.
3. Unión Íbero-Americana. Estatutos y reglamento con la reforma de 23 de diciembre de 1892. (1893). Madrid: Fortanet.
4. Valle, J. del. (2011). Panhispanismo e hispanofonía: breve historia de dos ideologías siamesas. Sociolinguistic Studies, 5(3), 465–484.
5. Sepúlveda, I. (1994) Comunidad cultural e hispano-americanismo, 1885–1936. Madrid: UNED.
6. Marcihacy, D. (2014). La Hispanidad bajo el franquismo: El americanismo al servicio de un proyecto nacionalista. Imaginarios y representaciones de España durante el franquismo. Madrid: Casa de Velázquez, 73–102.
7. Aranda, G., Escribano, R., Riquelme, J. (2020). Hispanidad e Hispanosfera: Raices y actualizaciones de post Guerra Fria". Revista Izquierdas, 49, 3422–3447.
8. Yagodkin, A. A. (2018). Latin America in destiny and creativity of the Spanish intellectual Ramiro de Maeztu. Latin America, 3, 75–85 (in Russ.)
9. Koval, T. B. (2022). National Catholicism: ideas and practical results. Latin American Historical Almanac, 35, 236–254. (in Russ.)
10. Martín-Artajo, A. (1956). Hacia una comunidad hispánica de naciones. Madrid: Cultura Hispánica.
11. Valle J. del, Gabriel-Stheeman L. (eds.) (2002). The battle over Spanish between 1800 and 2000: language ideologies and Hispanic intellectuals. London ; New York: Routledge.
12. Alvar, M. (1991). El español de las dos orillas. Madrid: Mapfre.
13. Casilda Béjar, R. Una década de inversiones españolas en América Latina (1990–2000): El idioma como ventaja competitiva. Instituto Cervantes. http://cvc.cervantes.es/obref/congresos/valladolid/ponencias/activo_del_espanol/1_la_industria_del_espanol/casilda_r.htm
14. Blinova, N. V. (2009) Lingvisticheskoe izmerenie mirovoj politiki: ispanofonija v kontekste globalizacii = Linguistic dimension of world politics: Hispanophony in the context of globalization: abstract of PhD in Political Studies. St. Petersburg. (In Russ).

15. Asociación de Academias de la Lengua Española. (2004). La nueva política lingüística panhispánica. Madrid: Real Academia Española.
16. Torres Hernández, J. (2021). Evolution and perspectives of Spanish in Russian school system. Cuadernos Iberoamericanos, 9(2), 110–124. (In Esp.)
17. Moreno Fernández, F., Otero Roth, J. (Eds.) (2016). Atlas de la lengua española en el mundo. Madrid: Fundación Telefónica.
18. Alonso, J. A., García Delgado, J. L., Jiménez, J. C. (2015). Lengua, empresa y mercado: ¿ha ayudado el español a la internacionalización? Barcelona: Ariel.
19. Belozarov, V. K. (2020). International Political Communication in the Context of Digitalization of World Development. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 13(2), 177–194. (in Russian). 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пупышева Мария Владимировна

кандидат политических наук

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pupysheva Maria Vladimirovna

PhD (Political Sciences)

Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication

in the Sphere of Media Technologies

Institute of International Relations and Social-Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.09.2023
30.09.2023
02.10.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication